

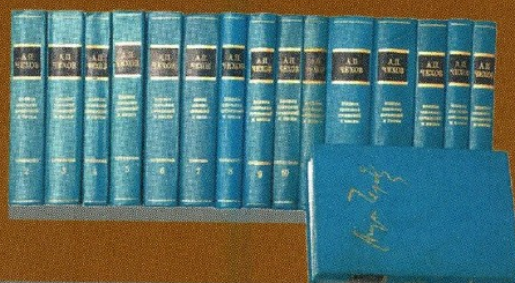
83.3(2=411.2)5-8

К 29

В.Б. КАТАЕВ

К пониманию Чехова

СА-372 737

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. Б. КАТАЕВ

К ПОНИМАНИЮ ЧЕХОВА

Статьи

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
ИМЛИ РАН

2018

ca-342437

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	5
-----------------	---

I.

◆ К пониманию Чехова: «ближний» и «дальний» контексты	9
◆ Жизнь после смерти: биография и биографы	19
◆ Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа	28
◆ Начало творчества Чехова: вопрос о точке отсчёта	36
◆ Чехов и Московский университет	43
◆ Смелость Чехова	58
◆ «Остров Сахалин»: возможность новых подходов	64
◆ Чехов и Романовы	73

II.

◆ «Какое богатство, какие залежи красоты...»	87
◆ «Степь»: драматургия прозы	96
◆ Чеховские транссексуалы, или Техника «перенесений»	103
◆ Цирки и кладбища: чеховские топосы	112
◆ Пьесы Чехова как резонантное пространство	119
◆ «Дядя Ваня» – la comedia?	129
◆ «Даю зрителю по морде...»: о природе чеховских развязок..	136
◆ Ибсен и Чехов: открытия и трагедия	145

III.

◆ Чехов и русская провинция	159
◆ Истинный мудрец	166

◆ Русские философы читают Чехова	173
◆ «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии	181
◆ Чехов в XX веке: покорение планеты	192
◆ Не начало ли перемены?	199
◆ Чехов современный	208
◆ Некоторые любят погорячее, или Еще раз о купюрах	219

Библиографическая справка	232
Указатель упоминаемых произведений Чехова	236
Указатель имен	238

К ПОНИМАНИЮ ЧЕХОВА: «БЛИЖНИЙ» И «ДАЛЬНИЙ» КОНТЕКСТЫ

Замечательный филолог нашей эпохи М.Л.Гаспаров в последние годы своей жизни немало места уделил полемике с той концепцией понимания литературного произведения, которая представлена в работах М.М.Бахтина. С «авторитарными, — как он резко заявил, — утверждениями Бахтина». Бахтин — философ, лишь «по недоразумению» считающийся филологом. Филология, в ее традиционном статусе, для Бахтина — наука «некрофильская»; ее раскопкам на литературных кладбищах и в музеях он противопоставил свою концепцию диалога и различения ближних и дальних контекстов понимания. Такому пониманию Гаспаров и отказывает в научности, и относит его в область произвола и вымысла¹.

Для Гаспарова «диалог» между читателем и произведением — «модная метафора», не более. «Что такое диалог? Допрос. Как ведет себя собеседник? Признается во всем, чего домогается допрашивающий. А тот принимает это всерьез и думает, будто кого-то (что-то) познал». Между тем, «мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки. Вопросы, которые для нас главные, для него не существовали, и наоборот». Поэтому для филолога «максимум достижимого — это учиться языку собеседника, а он такой же трудный, как го-рაციевский или китайский»². Изучение литературного произведения плодотворно лишь в том времени и том контексте, когда оно было создано. «Вечных ценностей нет, есть только временные, поэтому постигать их непосредственно нельзя (иначе как в порядке самообмана), а можно, лишь преодолев историческую

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ: БИОГРАФИЯ И БИОГРАФЫ

Уже Плутарх, приступая к жизнеописанию Александра Македонского и определяя свои задачи, говорил о праве биографа на *выбор и отбор* материала. Отбор неизбежен и обязателен; он подчиняется его, биографа, видению того, *ради чего* стоит описывать жизнь великого человека: «Мы пишем не историю, а биографии, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем сражения с десятками тысяч убитых, огромные армии и осады городов. Поэтому, как живописцы изображают сходство в лице и чертах его, в которых выражается характер, очень мало заботясь об остальных частях тела, так и нам да будет позволено больше погружаться в проявления души и посредством их изображать жизнь каждого, предоставив другим описания великих дел и сражений»¹.

Итак, цель жизнеописания – искать проявления добродетели или, наоборот, порочности героя биографии, предмет жизнеописания – проявления его души, а способ их обнаружения – не обязательно славные деяния, а мелочи, детали: ничтожные поступки, слова или шутки, проявляющие характер человека. Последовательность, скрупулезность вовсе не обязательны; биограф оставляет за собой право на субъективность – на гнев и пристрастия: он может оставить в тени одно, осветить другое. Потомкам остается принимать результаты субъективного выбора и отбора, порой эти результаты обладают мощной мифопорождающей силой. (Не забудем, что почти в то же время, когда Плутарх

«КАКОЕ БОГАТСТВО, КАКИЕ ЗАЛЕЖИ КРАСОТЫ...»

1.

Самуил Борисович Бернштейн, крупный славист, тонкий филолог, пишет в своих воспоминаниях: «В искусстве все дело в красках и запахах. Да, именно в запахах. Я давно уже читал «Поднятую целину» Шолохова, но до сих пор помню вонючий запах от портянок Нагульнова. Лишены запахов произведения Каверина, Лидина и многих других авторов. Самый «ароматный» из русских писателей – Гоголь...»¹

Здесь можно спорить о приоритетах. Да, в мире Гоголя запахи – неотъемлемая часть создаваемых картин и образов. Гоголевские запахи – от «благовоний», которыми «курилась степь», до небывалого «амбре» в воображении городничихи; от неистребимых запахов, сопровождающих чичиковского Петрушку, до ароматов, источаемых дамами на балу, и т.д. Художники, вошедшие в литературу в конце 19 века, использовали опыт своего предшественника.

Во всяком случае, когда Чехов коротко формулирует свое отличие от Бунина, он говорит именно об изображении запахов: «Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо резче меня. Вы вон пишете: «Море пахнет арбузом». Это чудесно, но я бы так не сказал»².

К запахам, разумеется, всё не сводится. Когда Бунин говорит про «ту изумительную изобразительность, словесную чувствительность, которой так славна русская литература»³, – он имеет в

ЧЕХОВ И РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Тема «Чехов и русская провинция» традиционно воспринимается сквозь призму тех высказываний о провинции, которые принадлежат героям его пьес. Тут и сетование Нины Заречной о необходимости ехать в третьем классе в Елец, где «образованные купцы будут приставать с любезностями» (13, 57); и констатация героев «Дяди Вани» – «только два порядочных интеллигентных человека на весь уезд» (13, 108); и монолог-стон Андрея Прозорова по поводу стотысячного российского города, в котором «только едят, пьют, спят, потом умирают...» (13, 182); наконец, приговор, который выносит приехавшая из Парижа Раневская, – «как вы все серо живете, как много говорите ненужного...» (13, 220). Словом, провинция – глушь, захолустье, где «жизнь обывательская, жизнь презренная»; провинция, отсасывающая крылья... Всё однозначно негативно.

Однако подобный способ измерения упрощает проблему.

Ясно, что характеристики провинции в этих и иных произведениях Чехова даны в ощущениях героев, а не в авторском утверждении. И, как писал Михаил Зощенко: «Критика стала смешивать художника с его персонажами. Настроения персонажей чеховских произведений отождествлялись с настроениями писателя. Это была вопиющая ошибка. Причем, ошибка, которая легко разбивается, если взглянуть на Чехова-человека. В этой области весьма характерны и показательны его письма. <...> письма говорят об огромной жизнерадостности, о светлом уме, о светлом отношении к жизни, о любви и уважении к людям»¹.

Конец ознакомленного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного издания невозможно в связи

с ограничениями

по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной

универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г.

Оренбург, ул. Советская, 20; тел.: для справок (3532) 61-60-30